

«Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества», 1856 г., кн.1, Спб.

ОПИСАНИЕ ДОРОГИ ОТ ЯКУТСКА ДО СРЕДНЕКОЛЫМСКА

Действительного Члена Императорского Русского
Географического Общества
И.С. СЕЛЬСКОГО

Способ езды и дорожная одежда — Сендухи — Поварни — Верхоянский хребет — Станция Барылас — Верхоянск — Оён-Хомы — Зашиверския щёки — Зашиверск — Колымский округ — Общий взгляд на природу и людей от Якутска до Среднеколымска.

В бытность мою в Якутске несколько лет тому назад, я собирал там разного рода сведения, касающиеся до Якутской области и, между прочим, о путях сообщения как с приполярными местами, так и с пунктами, лежащими на восточной и южной сторонах за-Ленского края. Между собранными мною сведениями, на этот раз, я представляю здесь очерк пути из Якутска в Нижнеколымск, сообщённый мне г. Виноградовым. Описание это чрезвычайно интересно: в нём верно схвачен снимок с дикой и грозной северной природы и переданы те страшные труды и путевые опасности, которые должен преодолевать путешественник, следуя в Нижнеколымск или по службе, или по делам торговым. Люди, совершенно незнакомые с севером Якутской области, большею частью привыкли думать, что там залегли одни тундры, по которым проезд доступен только в зимнее время. На самом деле приполярные места выказываются в ином виде: в царстве тундр, озёр и непроходимых болот высятся кряжи гор, замечательные по своей высоте и недоступности, ветви которых составляют водоразделы замечательных речных бассейнов. Главное направление Станового хребта идёт по западному берегу Охотского моря на значительное пространство, имея направление на северо-восток до 60 град. северной широты. Здесь находится первое разветвление этого кряжа, служащего основанием для очертания северо-восточного берега Азии. Одна ветвь пускает отрасли свои по Земле Чукчей и разделяет воды рек, впадающих в Восточный океан, от рек, текущих в Ледовитое море. Другая имеет положение северо-северо-восточное и образует водораздел бассейна Индигирки от бассейна Колыма. Третья, весьма значительная ветвь, имеющая простираение до 65 град. северной широты и направленная к северо-северо-западу, разделяет

притоки левого берега р. Индигирки от р. Алдана. Отсюда возникают ещё два отрога. Первый тянется вдоль правого берега р. Яны и следует по тому же северо-северо-западному направлению; другой идёт прямо на запад. Это последнее разветвление, от которого зависит направление течения Алдана на запад (на расстоянии 80 географических миль), носит название Верхоянских гор, по истоку из северного склона его р. Яны. Цепь этих гор находится близ устья Алдана; она простирается на северо-северо-запад и теряется потом в большой северной тундре. Верхоянский горный отрог разделяет воды р. Яны от правого берега р. Лены. Все притоки Яны идут на восток и на восточно-северо-восток¹. Путешественник, едущий из Якутска в Нижнеколымск, должен следовать через Верхоянский хребет, и начальный горный путь составляет как бы врата в большую северную тундру. Из описания г. Виноградова можно иметь полную идею о колымском пути, который, по отзыву якутских жителей, посещавших этот отдалённый край, изображён очень верно и обстоятельно.

Из Якутска до Среднеколымска единственный путь во всякое время года — верховая езда на лошадях; о санях и телегах и думать невозможно. Осеннее и зимнее время почитаются для проезда удобнейшими; но зато надобно вытерпеть истинную пытку, одевшись по дорожному. Вот полный зимний костюм: меховая шапка с длинными наушниками; ошейник, по-якутски — *май-тарук*, из беличьих хвостов; наушник с висячим меховым козырьком и подбородник; нагрудник, меховая фуфайка и такая же куртка, меховой широкий пояс сверх рубашки, *санаях* — род крестьянского кафтана; варварка из оленьих выпоротков, с прорезью против лица, которая достигает только до плеч; волосяная сетка для глаз, рукавицы, торбаса, чажы, сатуры, надеваемые на колени и парка, или куклянка. Вооружившись, таким образом, против холода, надобно запастись и лыжами, чтоб не завязнуть по уши в снегу. Бывают годы, в которые выпадает снег в пять четвертей аршина и более. В таком случае пускают несколько простых и сильных лошадей вперёд, чтоб проложить тропинку для вьючных, а в иных местах разгребают дорогу лопатами. Весь транспорт обыкновенно тянется гусем; впереди едет опытный проводник, на сильной лошади, для проложения дороги, потому что каждый проезжающий, во время пурги и метелей, прокладывает её для себя особо. Надобно подивиться крепости якутских лошадей: они

¹ Желаящие иметь полное понятие о геологическом строении Верхоянских гор могут обратиться к интересной учёной статье Д. Чл. Меглицкого: «Geognostische Bemerkungen auf einer Reise in Ost-Sibirien im Jahre 1850».

так малы и неказисты, что, садясь, боишься переломить им спину. Между тем, на одном подножном корму, под вьюком в шесть пудов, проходят они до 2,000 вёрст без перемены. Смешно и жалко смотреть на идущий транспорт: передней лошади накидывается ремённая петля на шею, к ней привязываются за хвост и шею другая, третья и так до последней, для того, чтоб не отставали за кормом и не разбежались в сторону от испуга; а как передовая всегда бывает из лучших, то задним приводится держать шею в вытяжку.

Из всех зол самое большое и тяжкое — это ночлеги во время зимнего проезда на открытом воздухе, или на сендухе, как их здесь называют, и болезнь глаз. Первые неизбежны по причине малой населённости, а вторая — необходимое следствие от перпендикулярно падающих лучей солнца в весеннее время года, когда горы и равнины ещё покрыты снегом, а реки и озёра льдом. Может быть, покажется невероятным, как может человек спать в 40 град. и более мороза по Реомюру, на снегу; но привычка и нужда чего не делают! Проехав от 40 до 60 вёрст в сутки, большею частью избирают места для ночлега такие, где достаточно атавы¹, потом лопатами разгребают снег до земли, раскладывают большой огонь, всё место устилают ветвями хвойных деревьев; на них кладётся медвежья или оленья кожа, — и ночлег готов. Страшен только первый приём, а потом считаются подобные гостиницы делом уже обыкновенным. Впрочем, надобно вооружиться стоическим терпением, принимаясь за ужин (для обедов не останавливаются). На одной ложке похлёбки видны зима и лето; не пройдёт и нескольких секунд, как края её покрываются уже льдом. Разделавшись наскоро с ужином, должно раздеваться до рубашки, иначе заколеет платье и не будет греть; но последняя степень невыразимого испытания оканчивается поутру: выбившись из одеял и шуб, предстоит одеваться на морозе, по крайней мере, полчаса. Нельзя не подивиться при этих ночлегах терпению якутов: в жесточайший мороз, они раздеваются донага; постелью им служит лоскут конской кожи, а санях — одеялом. Повернувшись спиной к огню, якут спит очень крепко, несмотря на то, что на спине его давным-давно уже образовалась куржавина.

На расстоянии 2,500 вёрст от Якутска до Среднеколымска найдётся более 1,000 вёрст совершенно безлесных, и в этих-то местах устроены так называемые на всём якутском севере поварни, взамен станционных домов. В них редко останавливаются купцы, потому что

¹ Атава (ткж. отава) — трава, в тот же год выросшая на месте скошенной. — прим. OCR.

вблизи истреблена атава; да и ночевать в поварнях гораздо мучительнее, нежели на открытом воздухе. Поварни ничто иное, как малые четырёхугольные и кой-где шестиугольные постройки, без окон и навесных дверей, с очагом или ямою посередине для огня и двумя лавками из неотёсанных брёвен. В них два элемента — дым и холод, и нет ничего для спокойного ночлега. Летние проезды ещё менее утешительны. Всё пространство от Якутска до Среднеколымска представляет собой необозримые тундристые болота, прерываемые кое-где горами и плоскими возвышенностями. Повсюду грязи и топи страшные, комаров и мошек мириады. 60 рек и ручьёв, большею частью без перевозов и мостов, довершают неудобства пути; о чищенной дороге и не слыхивали; большею частью надобно лавировать между чащами кривых деревьев, по лесам едва проходимым.

От Якутска до р. Алдан, по направлению к юго-востоку, считают 220 вёрст. Лошадей здесь переменяют через 30 и 50 вёрст, по причине населённости мест. Лес исключительно мелкий, лиственный. Речка одна, называемая Тандою, глубокая и быстрая в весеннее и дождливое время, по зимой почти пересыхает; в ней водятся харюзы и частью таймени, заходящие, вероятно, из Алдана. Переправясь через Алдан, реку большую, быструю и глубокую, надобно проститься с населенностью. Отсюда до Барыласской станции полагают 440 вёрст. Какова станция для путника, который попадёт сюда из мест благословенных! Этот переезд славится летом страшными топями, а зимой — глубокими снегами. Дорога идёт по-прежнему на юго-восток местами лесистыми до Верхоянского хребта. Я проезжал здесь 17 апреля: снег был в пять четвертей глубиною. Мученье невыразимое! По целику должно ехать на авось; лучшие лошади не могут пройти более 15 вёрст в сутки и к концу этого пути изнемогают совершенно. По неимению подножного корма на каменистых берегах реки Тукулана, случалось и случается, что целые сотни лошадей в этом месте вздыхают от усталости и голода. Купцы, имеющие своих лошадей, запасаются для переезда до хребта сеном; они свёртывают его трубками и кладут на вьючную до шести пудов.

От Алдана до Верхоянского хребта, на расстоянии 220 вёрст, находятся три реки: Антимердых (глубокая), Тора-Тукулан, текущая поперёк, и собственно Большой Тукулан. По руслу последнего въезжают в ущелье к хребту. Великий отрог Яблонного хребта круто поворачивает здесь на востоко-восток и ветвится на три отрасли; через восточную из них бывает переправа. Проехав ущельем вёрст до десяти, издерживают последний запас сена и, дав отдохнуть лошадям часа три при подошве скалы, начинают подниматься. Всех лошадей

развьючивают и пускают поодиночке в гору, наперёд сильнейших, с проворным и смелым работником. Сначала тропинка идёт отлого и чем дальше, тем становится круче; потом вьётся по боку скалы винтообразно, имея ширины не более аршина. С левой стороны скала стоит почти перпендикулярно, а с другой страшная стремнина делает это место из всех опаснейшим; при потере равновесия животное летит стремглав и разбивается на части, катясь по острым камням. В четыре приёма хорошая лошадь доходит до последней точки возвышения. Осенью, в дождливое время, нельзя и думать о переправе. На вершине скалы есть площадь в 20 квадратных шагов, которая служит сборным местом для отдыха. Спуск более отлог и менее опасен; на левой стороне его, между высочайших скал, находится, как в чаше, круглое, глубокое, хотя и незначительной величины, гольцовое озеро, из которого берёт начало река Яна (по-якутски — Сартанг). Вся отлогость спуска простирается до пятнадцати вёрст и идёт по ущелью. Здесь, так же как при подъёме, есть опасное место, а именно при самом начале надобно спускаться по узкой, едва в аршин ширины тропинке, на расстоянии тридцати шагов. Случается, особенно во время дождливое, что лошадь, споткнувшись, скатывается прямо в озеро, из которого нет уже никакой возможности достать ни лошади, ни клади, потому что берега его совершенно неприступны. Сколько жалоб и толков об опасностях этого места! А десять пудов пороха и человек тридцать рабочих, в два месяца, примерно, однажды навсегда легко могли бы дать покой и языкам, и лошадям, и капиталам. Я переправлялся через хребет, в час пополудни 21 апреля, и спустился в три часа пополуночи 22 числа. Время для переправы было самое удобное: ни ветру, ни снегу; в пять часов поднялся я на последнюю точку возвышения. Не имея барометра и термометра и вообще никаких средств для измерения высоты, я довольствовался тем, что вымерил эту местность шагами. Я пошёл по общей тропинке и, дойдя до вершины, насчитал 9,400 шагов, потом, спустясь, начал вновь подниматься уже по прямой линии, цепляясь руками и ногами за камни, и сделал только 6,000 шагов, что, по моему мнению, составит винтообразного подъёма до двух вёрст, отвесной же высоты не более 180 или 200 сажень. С вершины горы лошадь с кладью кажется не более барана. Выстрелив трижды из пистолета, я спрашивал бывших при подошве казаков и ямщиков, слышали ли они звуки, бывшие условными знаками: но, по словам их, кроме дыма ничего они не видели и не слышали, что, без сомнения, можно объяснить редкостью или разреженностью воздуха. И точно: когда я повторил тот же опыт при подошве горы, то эхо отразило его девять раз, при чём особенно

замечательно было то, что первое отражение слышно было между скалами низкими и постоянно переходило к высшим, изменяясь, по мере высоты, в степени звучности. Прежде упомянуто было мною, что, при переправе, хребет дробится на три части неравной высоты; восточная отрасль, через которую идёт дорога, ниже других, и потому эхо отозвалось в ней четыре, в следующей три и в последней два раза. Этот опыт я повторил трижды и всегда находил одни результаты. Горе путнику, если в этом месте застигнет его снег с пургою: тогда гибель его неизбежна. В 1809 году казак, следовавший с почтою из Якутска, заехал в одно из этих ущелий и пропал без вести; при тщательнейших розысках не могли найти даже останков его. Отсюда берёт начало р. Тукулан, быстрая, широкая, преисполненная ямами и наносным лесом; соединившись с Тора-Тукуланом, она впадает в Алдан. Если глубина Тукулана будет по стремя ездока, то никто не осмеливается переправляться: иначе, течение мигом собьёт лошадь с ног, и, по чрезвычайной быстроте реки, её тотчас затянет в улово. Громады камней огромных размеров, наваленные по берегам, свидетельствуют об её свирепости.

На высшей точке Верхоянского хребта находящаяся площадка усеяна знаками веры и суеверия. Несколько деревянных крестов, поставленных на темени гольца, свидетельствуют, что жертвы эти принесены людьми, счастливо миновавшими естественные преграды. Якуты, всё ещё придерживающиеся шаманства, привешивают к крестам конские волосы и лоскуты разных материй; ими же натасканы высокие груды камней. На крестах я прочёл чётко вырезанные имена некоторых торговцев.

От хребта до Барыласа считается 220 вёрст. Дорога поворачивает на юго-восток и идёт между грядями гор, как в рамке. Здесь невозможно заблудиться, потому что ехать более некуда. Ширина лога простирается от двух до пяти вёрст, по которому тихо и незаметно пробирается сердитая Яна. Достоин замечания, что на этом пространстве ни в какое время года не бывает снегу выше одной четверти аршина. Здесь всегда можно проехать, если не приятно, то, по крайней мере, безопасно: в атавах изобилие; поварни отзываются делом рук человеческих; на скалах цепляются стада диких баранов (аргали); в долинах множество куропаток. В иные годы дичи этой бывает столько, что тысячами загоняют их в огороды. Кроме аргали, держатся здесь кабарга, лисица, волк, медведь, олень и сохатый, или лось. В особенности здесь много зайцев: вся поверхность снега испещрена следами их. Чем ближе к Барыласу, тем дорога становится шире и горы расходятся одна на востоко-восток, а другая на юг.

На урочище Барылас находится одна юрта, служащая станционным домом. Жители её вместе и ямщики, которые посещают это место, так сказать, набегом. Для них важна почта, проходящая из Колымска три раза в год; а до прочих проездов им и дела нет. Здесь Яна становится уже значительною по глубине рекою. Она очень изобильна харьюсами, тайменями, щуками и налимами. В 30 верстах от Барыласа к Верхоянску начинают показываться бедные юрты якутов в расстоянии одна от другой вёрст на 15 и 20. Постоянной дороги здесь нет; но каждый проводник едет как ему угодно и как вздумается. Счёт пути ведут кёсами (семь вёрст), средним числом, по прямейшему тракту, можно положить не более 200 вёрст. Дорога идёт на юго-востоко-восток по обломкам гор и широким долинам; от самого хребта лес становится мельче, и кроме корявой лиственницы и мелкого кустарника, никаких деревьев более нет. Летом на этом пространстве затрудняют грязи и переправы через речки. Не радостнее, впрочем, и зимняя езда: бедность и малочисленность жителей и могильное однообразие природы представляют самую тягостную для души картину. Приезд в юрту на ночлег бывает истинной пыткой для обоняния русского, потому что в Верхоянском Округе, по обилию трав, и беднейший якут имеет несколько штук скота, с которым делит по-братски кров и ложе. Пресытившись пустотой, нуждами и опасностями всякого рода, с болезненным нетерпением спешишь отдохнуть в Верхоянске, предполагая с почётным именем города множество житейских выгод; но, — увы! — надежда обманчива: в целом мире, кажется, нет места хуже и малолюднее Верхоянска.

Разделённый Яной на две равные половины, из которых в каждой по три лачуги, или, по местному выражению, дома: он занимает пространство, буквально, более 6 вёрст. Не надобно судить по этому простору, что жители его любят жить широко. На правом берегу Яны стоит одиноко Божий храм — утешительное зрелище для путника, перенёсшего и готового опять встретить страдания и опасности этого тяжкого пути. Всё народонаселение Верхоянска состоит из священника с дьячком, исправника со штатом, одного купца и шести казаков. Здесь одна местная редкость заслуживает внимания: добрый и гостеприимный священник. Я не имел удовольствия видеть его; но общий голос давно включил его в число людей умных и образованных. Дай Бог поболее таких людей, потому что то и другое в здешнем крае чрезвычайно редко. Достоинно внимания, что верхоянские якуты славятся чистотою нравов, краж совсем не знают, об убийствах и грабежах едва ли и слышали. Купеческие товары на несколько де-

сятков тысяч без всякой осторожности кладутся на дворе, и неслыхано, чтоб кто-нибудь решился сделать кражу. Это явление скорее можно объяснить не богатством туземцев, но малым сношением с ссыльными, от которых они не успели ещё заразиться пороками. Впрочем, надобно принять в соображение и то, что вор и покраденная вещь легко могут быть отысканы, по малолюдству жителей, и потому страх наказания едва ли не служит также причиной чистоты нравов.

От Верхоянска дорога идёт прямо на юг, через высокий отрог Яблонного хребта, к Оён-Хомы, на 150 вёрст, к первой станции от города. Ни рек, ни речек, кроме Яны, здесь нет; природа самая жалкая: мелкий лиственничный лес, камни, да завывание ветра мучит ухо нестройною гармониею. Куда ни посмотришь — всё дико, пусто, безлюдно; нет ни дороги, ни мостов или перевозов через реки; жалкую по наружности и отвратительную внутри юрту считаешь за великолепный дом. Оён-Хомы состоит из одной тесной юрты, занимаемой ямщиками, на берегу широкой здесь Яны, имеющей 1,560 шагов. На этих станциях нельзя найти никаких путевых удобств: духота и теснота — невыносимые. Здесь трутся чиновники, купцы, якуты, мало заботясь о своих ночлежных соседях, и только крепкая грудь и широкие плечи имеют некоторое предпочтение. Отсюда поворачивают на юго-восток и через два дня пути, по местам лесистым и горным россыпям, выезжают к славному и страшному Зашиверскому ущелью.

Река Догдо быстрая, ямистая, усеянная громадными камнями, протекая по Зашиверскому ущелью, поселяет невольный ужас в душе; но венец славы её состоит в тарынах (гололедице) и накипях. Надобно вообразить две гряды гор высотой до ста сажень, большую часть года покрытых снегом. Кроме гигантского свода с нависшими массами камней, ничего не видно. Невольно, по какому-то инстинкту, боишься взглянуть наверх, и тот же невольный трепет объемлет душу, когда посмотришь под ноги: с неописанным шумом и страшным грохотом катит буйная Догдо громады каменных валунов; малейшая неосторожность, ложный шаг лошади, слабость головы или робость могут стоить жизни. У якутов принято за неперемное правило, проезжая ущелье гор, не только не петь песен, но даже и не говорить, тем более о предметах соблазнительных или безнравственных. Нигде это поверье не соблюдается с такою строгостью, как здесь. Страх, свойственный душе полудикаря при виде ужасов природы, и вековой опыт, научили, что малейшее колебание воздуха, производимого звуками, обрушивает целые горы камней, льда и снега, висящих, так ска-

зять, на воздухе. Мая 10 я проезжал по этому ущелью. Время было самое трудное для проезда: реки и озёра покрыты льдом, горы — снегом; непроницаемые туманы застилали ущелье. Самый приступ к ущелью даёт уже понятие о подлежащем пути; верстах в пяти от него река Догдо образовала озеро столь гладкой поверхности, что я не знаю, с чем сравнить её. Постоянно дующие из ущелья ветры сдувают снег до пылинки; достаточно лёгкого дуновения, чтобы человека несло по льду, как пух; некованные лошади раскатываются и моментально падают.хлопот и трудов не оберёшься. Лошади идут гусем, т.е. одна за другою: стоит упасть одной, и все повалятся. Озеро это имеет в окружности до семи вёрст и нередко, особенно при сильных морозах, покрывается водою сверх льда, отчего проезд бывает самый мучительный: в декабре и январе надобно брести по колени в воде. Проехав озеро, следуют по ущелью столь узкому, что в иных местах ширина его не более, как в 15 сажень. Сюда проникает лишь полусвет, или, вернее, смешение света с тьмою, рисующее перед глазами чудные, фантастические образы, возможные только для самого затейливого воображения. Цепляясь по боку скалы, тихо и робко тянется транспорт. Камни, как горные потоки, с шумом сыплются изпод ног животных. Опытный и смелый проводник едет впереди, показывая знаками дорогу. Через три версты приходится спускаться на реку и ехать по льду. На 35 верстах находятся три тарына, в расстоянии один от другого на 10, 15 и 20 вёрст. Поверхность реки представляет формы опрокинутых вверх дном котлов. Лучи солнечные отражаются на них тысячами самых чудных радужных цветов; при безоблачном небе видны купы как бы алмазных курганов, и самый твёрдый глаз должен отказаться от удовольствия взглянуть и полюбоваться ими лицом к лицу. Первый тарын идёт версты на три, второй — самый большой, и через него переезжают дважды. Я лично испытал и труды, и удовольствия этого пути и говорю о том по опыту. В полдень 13 мая мы переходили бродом средний тарын. Как новичок, я рассчитывал, что удобнее будет идти позади лошадей, потому что от последних остаются небольшие следы, по которым не слишком скользит нога. Бывшие со мной казаки и проводники пошли в ряд с лошадьми, а я, вооружившись толстою палкою, смотрел равнодушно на переброд. Надобно заметить здесь одно странное свойство горных рек: Догдо покрывается, по крайней мере, десятью слоями льда, толщиной в полтора вершка и менее. Чрезмерная быстрота её препятствует правильному замерзанию, и потому в глубоких местах образуются накипи, куда с шумом стремится вода сверх льда. Когда проводники мои достигли середины реки, я увидал, но поздно, что сделал

ложный расчёт, ибо верхние слои льда под лошадьми обломились и вода брызнула, как из фонтана. Дорожа временем, я решился бегом опередить лошадей, но не сделал и десяти шагов, как лёд треснул и стремлением воды понесло меня по нижнему слою льда. Не зная вполне опасности этого места, я барахтался по колени в воде; палка служила самым плохим орудием. Благодарение Богу, что я плохо знал по-якутски: случайно остался со мной один проводник, которого я прежде не заметил; громким криком с берега он не пугал, но ободрял меня. Не более, как шагах в ста позади меня образовалось под накипнем жерло, куда быстротою вод прямо несло меня; оно имело в поперечнике до 3 сажень и находилось в расстоянии не более 2 от воды, где ужасно клокотала вода. Употребив все усилия, якут настиг меня и, так сказать, вырвал из челюстей смерти. Малый нож на бедре, какой постоянно при себе имеют якуты, был единственным орудием для нашего спасения: втыкая концом в нижний слой льда, мы успели, с Божией помощью, доползти до другого берега, с которого хотя и кидали нам длинные ремни, но быстротою их прибывало к берегу. Только тогда я увидел вполне всю опасность и никогда так пламенно не благодарил Бога за своё спасение. Далее, во многих местах, мы шли или ползли на четвереньках и, несмотря на осторожность, падали и вертелись, как кубари¹. По этому ущелью едут до Зашиверска вёрст с триста, и на всём пространстве здесь не слышно духа человеческого; гадкие поварни служат приютом, а каменные куропатки, с чёрными бровями, собеседниками; горных ручьёв множество. По-справедливости, это пространство должно назвать гробом в 300 вёрст. Облака ходят ниже многих гор; туман и резкий ветер не прерываются. Был пример, что здесь, 15 числа августа, якут отморозил руки и ноги. Достоин замечания, что горы и скалы склонились почти везде от востока к западу, и с первого взгляда видно, что они первобытного образования, не подвергавшиеся в последствии никаким изменениям. Я, из любопытства, осматривал каменные породы; но как вершины их были покрыты глубоким снегом, то мне и не удалось отыскать ничего особенно интересного. Если верить на слово рассказам туземцев, то они во 100 верстах от Верхоянска, на вершине высочайшей горы, видели дно от барки или судна и будто в такой целостности, что даже деревянные гвозди, которыми укреплены нагели, уцелели от разрушения. Я не имел ни охоты, ни времени лазить по горам и потому передаю этот рассказ охотникам до чудес для поверки народ-

¹ Кубарь – устар. волчок. – прим. OCR.

ной басни. Одно достоверно здесь, что в берегах и руслах рек находятся кости неизвестных ныне животных; остатки эти, однако, не мамонтовые. Жаль, и очень, что на этот предмет не обращается внимания. Я с своей стороны сделал сношения с некоторыми лицами, чтоб они, если и не имеют средств для доставки их, по крайней мере, уведомили о местах их нахождения; но до сих пор не имею об этом интересном предмете никаких сведений, потому что безбарышными вещами здесь не занимаются. От Верхоянска до Зашиверска считается около 600 вёрст, по казённому тракту; но по купеческому, который проложен по местам населённым, обильным атавою и гораздо восточнее, не более 380 вёрст. По казённому тракту находится довольно рек: Тостах, со впадающею в неё Догдо, течёт отдельно в Северный океан; Тирях-Ирюя тоже. Байхал — незначительная; Бирилиох быстрая, глубокая, обильная рыбою, и Булутумуй и Баяндин маловодные.

После переправы через Индигирку, открывается Зашиверск, стоящий на правом берегу её. Божий храм, да три юрты, священник с причетником, улусный писарь с пером и стационарный смотритель без лошадей составляют всё народонаселение. Замечательна здесь деревянная башня в 1½ квадр. сажени, служившая лет за сто перед сим жилищем аманатов, которые, по преданиям, брались в детском и отроческом возрасте от ламутов, юкагиров и тунгусов, обитавших и ныне обитающих в этой части Верхоянского округа. Пользуясь некоторой свободой и томимые тоскою по родине, они вырезали снаружи и внутри на стенах башни изображения оленей и собак, неразлучных своих спутников и верных друзей, живо напоминавших им дикую, но всегда милую свободу, обширность тундр, необозримые леса, крутые горы и быстрые реки. Индигирка замечательна своими водоворотами; об одном из них в особенности много рассказывают местные инородцы. Он находится в 150 верстах вверх от Зашиверска. Никакое живое существо не осмеливается переплыть это место. Представьте себе глубокую, невероятно быструю, в 250 сажень ширины реку, которая, вливаясь между двух скал, всю свою массу движется винтообразно. Огромные деревья, занесённые в этот водоворот, выказываются из-под воды почти через полчаса; другие же, более тяжёлые тела, навеки погружаются в нём. Очевидцы рассказывают, что без особенного страха и головокружения даже с берега нельзя смотреть на эту пучину, кипящую в тысяче кругах и наводящую невольный трепет страшно диким и глухим гулом kloкочащих волн.

От Зашиверска две дороги: летняя и зимняя; первая проложена по хребтам высочайших гор правого берега Индигирки, а другая — по

ущельям и падам левого. До Сысыкёля, или Аринкинской станции, считается 280 вёрст, и почти столько же придётся переехать рек, ручьёв и озёр. Примечательнейшая из рек зимнего тракта Ирюм-Ирюя (белая река); на 10 верстах её надобно переезжать бродом 23 раза. От Зашиверска начинаются страшные топи, грязи и зыбуны, простирающиеся до тундр Северного океана. Отсюда горы исчезают, леса редуют, и вся страна представляет одно необозримое безгоризонтное озеро, или, ближе, ряд непрерывных тундр и болот, кой-где прерываемых едомами (небольшими лесистыми возвышенностями). Здесь, кроме мха, низменной корявой лиственницы, ещё меньшего тальника и воды, ничего нет. Земля протаивает на одну четверть аршина; деревья, толщиной в поперечнике около фута¹, может вырвать рукою самый бессильный человек, потому что корни их стелются, не углубляясь в землю: оттого, во многих местах, особенно несколько возвышенных, видны груды поваленных бурями деревьев. Проезд в летнее время по этим местам сопряжён с величайшим трудом: гнилой и сырой воздух, тьма комаров, топи и зыбуны, так сказать, приковывают человека к лошади. В несносные жары целый день надобно быть на седле, — пешком пройти нет никакой возможности; лошадь бредёт бадараном² по брюхо, скользит и падает почти непрерывно или вязнет по уши в зыбуне³. Самый ночлег не успокаивает путников: палящее солнце, с 10 мая по 20 июля не скрываясь за горизонтом, расслабляет человека, а мученье от комаров, вращающихся над болотами, в виде густого облака, непроницаемого для глаз, выше всякого мучения. Они с шумом и пискотом нападают на свою жертву. Ни куска хлеба, ни капли воды нельзя проглотить спокойно. Выбившись из сил, предпочитаешь другое зло и завёртываешься в одеяло или ложишься в ровдужный полог, где обливаешься потом и задыхаешься от жара. Звери, не убегающие в летнее время на горы, каковы: волк, медведь и сохатый, укрываются в болотах, но и там нередко вместо спасения находят смерть. По рассказам очевидцев, в заеденном комарами звере не было и капли крови; остались одни кости, да источенная кожа. Олени или взбираются на высочайшие горы, где холод служит им защитой от комаров, или ещё ранней весною, предчувствуя по инстинкту жаркое лето, выходят стадами на открытые со всех сторон тундры, где ветры, постоянно дующие с моря, истребляют их крылатых врагов.

¹ Очевидно, ошибка – имелось ввиду «в поперечнике около дюйма». – *прим. OCR.*

² Топкое и густо-грязное место.

³ См. объяснение слова в конце статьи.

От Зашиверска до Аринкинской станции много речек, но мало замечательных; кроме Ирюм-Ирюя есть Кеберня, Бор-Юрях, Бёгёлёх, От-Юрях. На последних трёх — перевозы. В 80 верстах от Аринкинской станции встречается великий хребет, вероятно, отрог Яблонного, называемый Алазейским, из которого берёт начало р. Алазея. По ней-то, под предводительством отважного Дежнёва, спустились мангазейские удальцы в Ледовитое море и, обогнув на кочах Чукотский нос, первые познакомили Москву с чукчами, чуванцами, ламутами, юкагирами, тунгусами и коряками. Алазейский хребет довольно высок и составляет винтообразного подъёма до 10 вёрст; он служит природной границей Верхоянского округа с Колымским, образуя дугообразную линию с юга на востоко-восток.

Первое населённое место и первая станция в Колымском округе — Сардах. Здесь те же болота, безлюдие, пустота и тишина, ничем не прерываемые. Подвигаясь ближе к Северному океану, земля всё более и более понижается; зыбуны, тундры и озёра увеличиваются в числе и объёме и делаются наиболее сплошными. Станционный дом на Сардахе, построенный недавно одним сибирским дворянином и переданный почтосодержателям, радуется своей европейской физиономией. При прежнем владельце в этом доме можно было найти более удобств для жизни, чем в Верхоянске и Зашиверске. От Сардаха до Среднеколымска считается 240 вёрст и ведут две дороги: первая идёт восточнее, по местам населённым, и называется купеческою, а другая проложена противоположно первой, по лесам и страшным бадаранам. На половине расстояния находится р. Алазея, быстрая, глубокая, изобильная рыбою и чрезвычайно извилистая. После ужасных 120 вёрст от р. Алазеи, по океану грязи, бадаранам и вплавь через глубокие виски, достигают Среднеколымска, где суд и расправа сосредоточены в лице исправника с помощником и в Управе Иностранной. В Среднеколымске можно жить; там есть хлебные запасные магазины, от страшного холода винный спирт и, в добавок, великолепнейшие северные сияния.

Среднеколымск от Якутска лежит прямо на северо-восток. По почтовому дорожнику считают от одного до другого места 2,100 вёрст. Это исчисление неверно: тот, кто имел несчастье проезжать эти пустыни, снисходительнейшим образом полагает расстояние до 2,500 вёрст, прибавляя в летнее время ещё до 200 вёрст. Но что это за дорога! Собрание наитруднейших подвигов, беспрестанных опасностей, неудобств всякого рода. Глубокие снега, пурги и едва выносимый холод — зимою, грязи, топи, бадараны, зыбуны и комары — ле-

том, утомят и гениальное терпение. Безлюдие, мёртвый вид природы, опрокинутые скалы, россыпи гор, корявый лес, опалённый пожарами или вырванный ветром, бесчисленное множество горных рек и речек (отчего в простонародье и округ называется Реки; если говорят о Колымске, то выражаются: было то-то на Реках), тьма озёр и болот, недостаток в самых необходимейших для жизни вещах, пища чисто отшельническая, неимение крова для защиты от холода и дождей, жестокая стужа и жгучее солнце сменяют только мучения одного рода другими. Бурные реки грозят смертью, бадараны и зыбуны — опасностями. Дымная, холодная поварня или вонючая юрта якута служат пристанищем, а во многих местах кров небесный заменяет кровы земные, и неисправность почтосодержателей венчает эту длинную роспись страданий. С достоверностью можно заключить, что всё пространство от Зашиверска до устья Колымы некогда покрыто было водою, что доказывается бесчисленным множеством озёр и болот, неимением гор, мелким лесом, морскими растениями; да и для всякого очевидца, без дальних доказательств, видно значительное понижение Северного океана. В 10 и 20 дней езды на душу непривычного находят мысли такие тяжёлые, чёрные, что невольно содрогнёшься от них в минуты спокойные. В Среднеколымске и по дороге к нему невольно поражает путника нечеловеческая жизнь инородцев. Главная черта их домашнего быта, преимущественно оседлых, невыразимая лень и неопрятность. От самых мелочных вещей и до необходимейших в жизни, всё отзывается небрежением, каким-то нравственным оцепенением. Живя по несколько лет при реках, они не озаботятся сделать мост или устроить перевоз. Ежегодно десятками тонут и люди и скот, и на всё это мало обращают внимания. Случается ли, например, инородцу переезжать реку в таком месте, где нет ни ветки, ни людей, он раздевается донага, привязывает платье к седлу и, схватясь за контес, пускается вплавь. Таким же образом переправляются и купеческие транспорты: кладь по одному побочню перевозят в ветках, а лошадей перегоняют вплавь, несмотря на широту и быстроту реки, причём в весеннее и осеннее время многие погибают, потому что некованная лошадь, плавающая довольно долго в холодной воде, никак не может выйти на крутой и обледенелый берег. Некоторые из купцов, при подобных случаях, убивают одну или две лошади. Снятые с них кожи обтягивают затем вокруг деревянных дуг и делают байдары, на которых безопасно и сами переправляются и перевозят тяжести. Отличительное свойство горных рек — необыкновенная быстрота и внезапное повышение воды.

Довольно малого дождя в продолжение нескольких часов, чтоб из ничтожного ручейка образовалась страшная река. Было множество примеров, что купеческие транспорты погибали во время разлива, и потому принято правилом никогда в летнее время не останавливаться на ночлеге, лежащем между двумя реками.

Путешественнику, не знающему якутского наречия, кроме хорошего переводчика, надобно ещё ознакомиться с некоторыми местными выражениями и словами, чтоб не впасть в ошибки; их очень много, но чаще всех встречаются:

Атава — подножный корм.

Бадаран — топкое и густо-грязное место.

Бус — мелкий дождь.

Варварка — из меха сделанный мешок, с прорезью против лица, и достигающий до груди; она служит защитой от ветров и морозов.

Виска — проток между озёрами.

Голицы — лыжи, не подбитые камусами.

Затишь — место, от ветров защищённое.

Зыбун — место, прилежащее к озеру, которого поверхность покрыта мхом и мелким кустарником, а внизу находится вода, иногда на значительную глубину.

Калтус — безлесное, ровное, кочковатое и влажное место.

Камусы — кожа с ног оленей и лошадей.

Контес — длинный повод лошадиный.

Лыжи — подбитые камусами.

Огнище — место, где раскладывали огонь.

Положок — сетка из волос, надеваемая на рот от комаров.

Сивер — северный ветер.

Сендуха — ночлег на открытом воздухе.

Тарын — гололедица.

Тундра — безлесное и сухое место.

Убой — смёрзший снег.

Убродно — очень снежно.

Чурапча — малая сетка, только на глаза надеваемая.

Едома — небольшая лесистая возвышенность.

OCR Андрей Дуглас

Сельский Илларион Сергеевич (1808 - 1861) - писатель; окончил курс в Московском университете; был членом главного управления Сибири, правителем дел сибирского отдела географического общества и редактором "Вестника Восточной Сибири". Напечатал: "Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц" ("Русское Слово", 1861, № 8); "Об Уссурийской экспедиции" ("Амур", 1860, № 1 и 2), "Последняя осада Албазина маньчжу-китайцами в 1687 г." ("Записки Сибирского Отдела Императорского Географического Общества", 1858, № 5) и многое другое.